

> МАГИСТРАЛЪ >

ПУ СУНЛИН

Монахи-
ВОЛШЕБНИКИ

Москва
2024

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44
П88

Pú Sōnglíng

Перевод с китайского, вступительная статья и комментарии
Василия Алексеева

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Пу Сунлин.

П88 Монахи-волшебники / Пу Сунлин ; [перевод с китайского, вступительная статья и комментарии В. Алексеева]. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199583-6

Герои сборника рассказов Пу Сунлина «Монахи-волшебники», с одной стороны, обманщики и смешные люди; с другой — святители, знающие магические приемы и потому опасные, заслуживающие всяческого почитания. Эти монахи проникательны, они ведают тайны тех и этого миров, они чародеи и фокусники. Им ничего не стоит властно смешать действительность с химерой и, в конце концов наказав порок или глупость, поменять свой лик на чужой, воздвигнуть здания на пустыре или пройти сквозь стену.

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-199583-6

© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ ПЕРЕВОДЧИКА К СБОРНИКУ «МОНАХИ-ВОЛШЕБНИКИ»

Монахи, о которых идет речь в этих рассказах Пу Сун-лины, писавшего под псевдонимом Ляо Чжай, вмешиваются в человеческую судьбу на правах волшебников. В чарах их волшебства поток событий принимает совершенно обратное естественно ожидаемому направление, и этим автор выигрывает в фабуле.

Народная фантазия, давшая Ляо Чжаю канву его рассказов, представляет себе монаха в двух видах: с одной стороны, это презренный туняец, обманщик и смешной человек; с другой — это святитель, знающий магические приемы и потому опасный, заслуживающий всяческого почитания и не подлежащий оскорблениям. Ляо Чжай взял, конечно, вторую версию отношений народа к монахам, ибо рассказы его, считающиеся шедеврами литературного творчества, не анекдоты и не пасквили.

Китайский монах — это, прежде всего, монах буддийской религии, сэн, тамынь, на разговорном языке — хэшан. Он, как преемник и последователь учения Будды, малодоступного во всей своей сложности простому человеку, идеализуется главным образом как святитель, вмешивающийся в тайны перерождения одной формы бытия в другую. Запутав фабулу рассказа до безвыходности, Ляо Чжай берет монаха — сэна, как некоего *deum ex machine* античного театра, и заставляет его распутать весь узел событий, невидимая ткань которых была, как всегда оказывается, единственно реальною. Омрачение же людей мира

состояло в том, что они, отнесясь к монаху с насмешкой и пренебрежением, не усмотрели в нем проникновенной личности и чудотворца.

Затем это монах даосской веры, начавшейся, как и буддизм, с философии отрицания мира и бога и вместе с ним превратившейся в служение миру и богу. Идеальная личность монаха этого толка предполагает точно так же постижение им тайн сверхбожества, отвлеченного и непостижимого простыми людьми Дао, а потому и вооруженного против зол жизни, которая для него проста, как для фокусника фокус. Этот монах главным образом фокусник и есть, хотя и компетенция в перерождении форм бытия ему не чужда.

Таким образом, вся группа рассказов, объединенных в этом томе, разрешает свою интригу вмешательством хэшана или даоса, святителей, чудотворцев, гипнотизеров и фокусников. Перед нами вопрос: как нам отнестись к этим рассказам и их автору? Верил ли он сам во все это — хотя бы и в начале XVIII века, — при какой обстановке и зачем он их писал?

Решаясь выступить с огромным сборником подобных рассказов, он написал очень интересное к нему предисловие.

Все предисловие — есть как бы извинение перед читателем и сообщение ему оснований, по которым Ляо Чжай пал так низко. В Китае такое предисловие было необходимо. Вряд ли оно было бы необходимо у нас, где гоголевский «Вий», «Ундина» Жуковского, «Русалка» Пушкина не нуждаются в оправданиях. А между тем при переводе их на китайский язык пришлось бы китайскому читателю очень многое сказать по поводу этих тем и точно так же задать вопрос: верили ли наши писатели в то, о чем писали? В сущности говоря, вопрос одинаково нелеп как в первом, так и во втором случае, и на нем приходится останавливаться, исключительно чтобы избежать недоразумений, могущих мелькнуть в уме неподготовленного читателя.

КАК ОН САЖАЛ ГРУШУ

Мужик продавал на базаре груши, чрезвычайно сладкие и душистые, и цену на них поднял весьма изрядно. Даос в рваном колпаке и в лохмотьях просил у него милостыню, все время бегая у телеги. Мужик крикнул на него, но тот не уходил. Мужик рассердился и стал его ругать.

— Помилуйте, — говорил даос, — у вас их целый воз, ведь там несколько сот штук. Смотрите: старая рвань просит у вас всего только одну грушу. Большого убытка у вашей милости от этого не будет. Зачем же сердиться?

Те, кто смотрел на них, стали уговаривать мужика бросить монаху какую-нибудь дрянную грушу: пусть-де уберется, но мужик решительно не соглашался. Тогда какой-то рабочий, видя все это и устав от шума, вынул деньги, купил одну грушу и дал ее монаху, который поклонился ему в пояс и выразил свою благодарность.

Затем, обратясь к толпе, он сказал:

— Я монах. Я ушел от мира. Я не понимаю, что значит жадность и скупость. Вот у меня прекрасная груша. Прошу позволения предложить ее моим дорогим гостям!

— Раз получил грушу, — говорили ему из толпы, — чего ж сам не ешь?

— Да мне нужно только косточку на семена!

С этими словами он ухватил грушу и стал ее жадно есть. Съев ее, взял в руку косточку, снял с плеча мотыгу и стал копать в земле ямку. Вырыв ее глубиной на несколько вершков, положил туда грушевую косточку и снова покрыл ямку землей. Затем обратился к толпе с просьбой дать ему кипятку для поливки.

Кто-то из любопытных достал в первой попавшейся лавке кипятку. Даос взял и принялся поливать взрытое место. Тысячи глаз так и вонзились... И видят: вот выходит тоненький росток. Вот он все больше и больше — и вдруг это уже дерево с густыми ветвями и листвой. Вот оно зацвело. Миг — и оно в плодах, громадных, ароматных, чудесных.

Вот они уже свисают с ветвей целыми пучками.

Даос полез на дерево и стал рвать и бросать сверху плоды в собравшуюся толпу зрителей. Минута — и все было кончено. Даос слез и стал мотыгой рубить дерево. Трах-трах... Рубил очень долго, наконец срубил, взял дерево — как есть, с листьями, — взвалил на плечи и, не торопясь, удалился.

Как только даос начал проделывать свой фокус, мужик тоже втиснулся в толпу, вытянул шею, уставил глаза и совершенно забыл о своих делах. Когда даос ушел, тогда только он взглянул на свою телегу. Груши исчезли.

Теперь он понял, что то, что сейчас раздавал монах, были его собственные груши. Посмотрел внимательнее: у телеги не хватает одной оглобли, и притом только что срубленной.

Закипел мужик гневом и досадой, помчался в погоню по следам монаха, свернул за угол, глядь: срубленная оглобля брошена у забора.

Догадался, что срубленный монахом ствол груши был не что иное, как эта самая оглобля.

Куда девался даос, никто не знал.

Весь базар хохотал.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РАССКАЗЧИКА

Мужичина грубый и глупый. Глупость его хоть рукой бери. Поделом смеялся над ним базар.

Всякий из нас видел этих деревенских богачей. Пусть лучший друг попросит у него риса — сейчас же сердится и высчитывает: этого-де мне хватит на несколько дней.

Иногда случается его уговаривать помочь кому-либо в беде или накормить сироту. Он опять сердится и высчитывает, что этого, мол, хватило бы на десять или пять человек. Доходит до того, что отец, сын, братья между собой все высчитывают и вывешивают до полушки.

Однако на разврат, на азартную игру, на суеверие он не скупится — о нет, — хотя бы на это ушли все деньги. Ну-ка, пусть его голове угрожает нож или пила — бежит откупаться без разговоров.

ДАОС С ГОР ЛАО

В нашем уездном городе жил студент, некто Ван, по счету братьев — седьмой. Семья была старинного рода, зажиточная. Ван с ранней молодости увлекался учением о Дао¹, и вот, зная по рассказам, что в горах Лао² живет много святых людей, он взвалил на себя котомку с книгами и направился туда, чтоб побродить и посмотреть.

Взошел он на гору. Видит перед собой уединенный, тихий даосский храм. На рогожке сидит даос. Седые волосы падают ему на шею. И взор полон священного озарения, проникновенный, ушедший куда-то вдаль.

Ван поклонился старцу в землю и стал с ним беседовать. И то, что звучало в словах старца, было как-то особенно привлекательно своею изначальной непостижимостью. Ван стал просить старца быть ему наставником.

— Я боюсь, — говорил тот ему в ответ, — что ты балованный и ленивый человек. Ты не сможешь нести тяжелую работу.

Ван стал уверять, что он вынести это сумеет.

¹ ...увлекался учением о Дао — то есть о непознаваемом сверхбожестве, исповеданном в трактате Лао-цзы «Дао-дэцин» («Книга о Дао и Дэ»).

² Горы Лао — находятся в провинции Шаньдун, близ побережья.

У старца оказалось очень много учеников, которые к вечеру все собрались в храм, и Ван каждому поклонился до земли. Он остался в храме.

Перед закатом даос крикнул Вана и велел ему идти. Дал топор и послал рубить дрова вместе с остальными. Ван смиренно и с усердием принял послушание.

Через месяц после этого руки и ноги бедного студента покрывлись толстыми мозолями. Работа была ему невтерпез, и он уже стал подумывать о возвращении домой.

Однажды вечером он приходит в храм и видит, что два каких-то человека сидят с учителем и пьют вино. Солнце село, а свечей еще не было. Учитель вырезал из бумаги круг, величиной с зеркало, и наклеил его на стену. Миг — и сияние луны озарило стены, лучи ее осветили все, до тончайших волосков и пылинок.

Ученики стояли вокруг стола, бегали, прислуживая, туда и сюда.

Один из гостей сказал:

— Эту прекрасную ночь, это восхитительное наслаждение нельзя не разделить со всеми.

С этими словами он взял со стола чайник с вином и дал его ученикам, велел им всем пить допьяна.

«Нас семь или восемь человек, — думал про себя Ван. — Как может на всех хватить одного чайника вина?»

Теперь каждый побежал за чаркой, и все торопливо выпили по первой, затем, перехватывая друг у друга и боясь остаться с пустой чаркой, все время наливали и выпивали, — а в чайнике вино нисколько не убывало.

Ван диву дался.

Говорит учителю другой гость:

— Учитель, ты пожаловал нас светом полной луны. И что же? Мы сидим и в молчании пьем. Почему бы нам не позвать сюда фею Чаньэ?

Сказав это, взял одну из палочек, которыми ел, и бросил в луну. И вот все видят, как из лучей луны появляется красавица, сначала маленькая, не выше фута, а затем, очутясь на полу, в полный рост человека. Тонкая талия, стройная шейка...

Запорхала в танце фей, одетых в зарницы.
Протанцевав, запела:

О святой, о святой!

Ты верни меня!

Ты укрой меня снова в студеный, просторный дворец!

Пела она чистым, звонким голосом, переливающимся отчетливою трелью, словно флейта.

Пропела, покружилась, вскочила на стул, на стол — и на глазах изумленных зрителей опять стала палочкой.

Все трое хохотали.

Первый гость говорит опять:

— Нынешняя ночь доставила нам отменное удовольствие. Однако с винной силой нам не справиться... Проводи-ка нас в лунный дворец. Хорошо?

И все трое стали двигать стол, мало-помалу въезжая в луну. Все видят теперь, как они сидят в луне и пьют. Виден каждый волосок, каждая бровинка, словно на лице, отражаемом в зеркале.

Прошло несколько минут — и луна стала меркнуть. Пришли ученики со свечой... Оказалось, что даос сидит один, а гости исчезли.

Впрочем, на столе все еще оставались блюда и косточки плодов. Луна же на стене оказалась кругом из бумаги, в форме зеркала.

Только и всего.

Даос спросил учеников, все ли они вдосталь напились.

Отвечали, что совершенно довольны.

— Ну если довольны, то ложитесь пораньше спать. Не смей у меня пропускать время рубки и носки дров! Ученики ответили: «хорошо» — и ушли спать.

Ван от всего этого пришел в полный восторг и всей душой ликовал, перестав думать о возвращении домой. Однако прошел еще месяц, и работа опять стала невыносимой. Между тем даос так и не передавал ему ни одного из своих волшебных приемов. Душа больше ждать не могла; Ван стал отказываться от послушания.

— Я, — говорил он, — твой смиренный ученик, прошел сотни верст, чтобы принять от тебя, святой учитель, святое дело. Допустим, что я не могу постичь волшебных путей, ведущих к долговечности. Но даже какое-нибудь незначительное волшебное наставление и то доставило бы утешение моей душе, которая ведь так ищет восприятия твоих учений. Между тем, вот уже прошло два, даже три месяца, а что я здесь делаю? Только и знаю, что утром иду за дровами, а вечером прихожу домой. Позволь тебе сказать, учитель, что я у себя дома такой работы никогда не знал.

— Я ведь твердил тебе, — отвечал даос с улыбкой, — что ты не можешь у нас работать. Видишь — сбылось. Завтра утром придется тебя отпустить. Иди себе домой.

— Учитель, — продолжал Ван, — я здесь трудился много дней. Чтобы мое пребывание не оставалось без награды, дай мне, пожалуйста, овладеть хоть каким-нибудь чудесным приемом.

Даос спросил, о каком именно приеме он просит.

— А вот о каком, например, — отвечал Ван. — Я вижу, что, куда бы ты ни пошел, на пути твоём никакая стена не преграда. Вот хоть этим волшебным даром овладеть — с меня было бы достаточно.

Даос с усмешкой согласился.

Он стал учить Вана заклинанию и велел наконец ему произнести эти слова самостоятельно. Когда Ван произнес, даос крикнул: «Входи!» Ван, упершись лицом в стену, не смел войти.

— Ну попробуй же, входи!

Ван, и в самом деле, легко и свободно опять начал входить, но, дойдя до самой стены, решительно остановился.

— Нагни голову, разбегись и войди в стену, — приказывал даос. — Нечего топтаться на месте!

Ван отошел от стены на несколько шагов и с разбегу бросился в нее. Когда он добежал до стены, то вместо нее было пустое место, как будто там ничего и не было. Обернулся, смотрит — он и на самом деле уже за стеной.

Пришел в восторг, пошел благодарить старца.

— Смотри, — сказал ему тот, — дома храни эту тайну в полной чистоте. Иначе — не выйдет.

Вслед за этим даос дал ему на дорогу всего, что нужно, и отправил домой.

Ван пришел домой и стал хвастать, что знает святого подвижника и что теперь никакая стена, как ни будь она крепка, ему не препятствие. Жена не поверила. Ван решил показать, как он это делает. Отошел от стены на несколько шагов и с разбегу ринулся.

Голова его ударилась в крепкую стену, и он сразу же повалился на пол. Жена подняла его; смотрит, а на лбу вскочил желвак величиной с большое яйцо. Засмеялась и стала дразнить.

Ван сконфузился, рассердился.

— Какой бессовестный этот даос, — ругался он. Тем и кончилось.

ДАОС ЦЗЮЙ ЯОЖУ

Цзюй Яожу жил в Цинчжоу. Жена у него умерла, он бросил дом и ушел.

Через несколько лет после этого он появился в даосской одежде, неся на себе молитвенную циновку.

Проведя одну ночь, собрался уходить. Родня и родственники силком оставили дома его одежду и посох. Цзюй сказал, что пойдет побродить, и дошел до конца деревни. Вышел он в поле, и вот все его одежды и вещи плавно-плавно вылетели из дома, устремившись за ним вслед.